

18+

Лиа Мар

СТИХОТЕРАПИЯ

СЕКРЕТЫ ФИОЛЕТОВОГО ЦВЕТА

Лиа Мар

**Стихотерапия. Секреты
фиолетового цвета**

«Издательские решения»

Ли́а Ма́р

Стихотерапия. Секреты фиолетового цвета / Ли́а Ма́р —
«Издательские решения»,

Путешествие через внутренние оттенки человеческого опыта, где стихи становятся способом слушать себя и исцелять невидимые раны. Этот сборник — о движении от тишины к силе, от боли к обновлению, о поиске гармонии между внутренними цветами. Фиолетовый здесь — не просто итог смешения, а пространство, где рождаются ответы, которые можно услышать только вслушиваясь в собственную душу.

Содержание

Стихотерапия. Секреты фиолетового цвета	6
Моим стихам...	7
МОЛЧАНИЕ СИНЕГО	8
МОЛЧАНИЕ СИНЕГО	8
Без клеток...	9
Терять героев больно...	10
Отче...	11
Я ненавижу все стрелки часов...	12
Сорок восемь недель назад...	13
Ровно год — ровно пятьдесят четыре недели...	14
Я знаю, ты точно бы не хотел...	15
Я помню, ты так мудро умел молчать...	16
Папа, родной, я так скучаю...	17
Я бы не глядя сменила все блага мира...	19
Там, где страхи шуршат...	20
Моим друзьям под полтинник...	21
Солнце всходит и неизбежно заходит...	22
Вокруг жужжат как пчелиный рой...	23
Санта, здравствуй...	24
Хочу туда, где все ещё живы...	26
Утомлённому жаждой...	27
Всё должно было быть по-другому, иначе...	28
Твоя кровь течёт в венах моих детей...	29
Это не жалость...	30
Между чёрным и белым...	31
Сколько ещё будет этих бессонных ночей...	32
Ты умеешь, так читай меня по глазам...	33
Мотая кадры как киноленту...	34
Не пытайся меня разбудить...	35
Я вчера опять уснула сегодня...	36
Хочу уснуть сегодня непривычно рано...	37
Сон боялся выведать тайны каре-зеленых глаз...	38
Вколите мне что-нибудь, доктор...	39
Потирая ладони и засучив рукава рубашки...	40
Знаешь, как больно мне?	41
Мой тоннель бесконечен, и света в конце него нет...	42
Молчать? Научите! Кажется, я разучилась...	43
Воздух мы замечаем только тогда...	44
Никогда не имела кумиров...	45
Жизнь до чёртиков дорогой репетитор...	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Стихотерапия Секреты фиолетового цвета

Лиа Мар

© Лиа Мар, 2026

ISBN 978-5-0070-1281-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Стихотерапия. Секреты фиолетового цвета

О движении от тишины к силе, от боли к обновлению, о поиске гармонии между внутренними цветами.

Фиолетовый — не просто итог смешения, а пространство, где рождаются ответы, которые можно услышать только вслушиваясь в собственную душу.

Между явью
и тонким туманом воспоминаний
Есть особый путь,
проходящий сквозь поле мечтаний —
Сквозь молчание синего
и громкие крики красного,
Сквозь кошмарные сны —
к пробуждению прекрасного.

Моим стихам...

Моим стихам как драгоценным винам
Черёд, возможно, не настанет.
Только желанием быть понятой руководима,
Моя душа писать не перестанет.

Моим стихам не нужен громкий голос,
Восторженность толпы и яркий свет —
Нужны, глаза, которые своим вопросам
Сумеют в этих строках разглядеть ответ.

МОЛЧАНИЕ СИНЕГО

МОЛЧАНИЕ СИНЕГО

О тишине, в которой слышны самые глубокие переживания.

*Синий —
пространство внутреннего созерцания,
погружения в память,
холод спокойствия и тихие воды чувств,
где каждое слово — отражение несказанного.*

Без клеток...

Без клеток, вольеров, антрактов, манежей и цирков —
Народу вживую хватает зоопарка, аплодисментов и криков.
Я видела ямщика, не поспевшего за бегом своих лошадей,
И пересмешника, разделившего один народ среди двух площадей.
И мне непонятно пока, что за нити их держат,
кто страшней? кто смешней?
Но я хочу ОДИН народ — ОДНУ площадь.
И без животных на ней.

Терять героев больно...

Терять героев больно.
Больно вдвойне.
Мой герой тоже пал,
хотя не на этой войне.
С героем вместе теряем мы
слишком много:
Мы теряем каждый
из несовершенных им подвигов.
Я хотела бы быть среди вас
и на вашем месте:
Среди тех, которые победили
и не сдались,
Тех, кто ради святыни своей,
своей чести
Ни секунды не думая,
отдали свою жизнь.

Отче...

Отче, как страшно, что не осталось молитв...
Когда замолкают уста, устав от пустой молвы,
Моя душа — вот что страшно — душа молчит:
Ей ничего не нужно уже. Увы.

#

И все советуют, но я не прошу и о здравии..
И тут надо бы побояться бога гневить.
Но я знаю, мне перечислили. Мне оставили.
Много непрожитых лет за *него* прожить.

#

А мне бы прожить ровно столько, сколько *ему* довелось.
А мне бы понять жизнь такой, какой *он* её видел.
А мне бы унять в себе эту боль, этот гнев, эту злость.
А мне б полюбить жизнь так, как сейчас умею лишь
ненавидеть...

Я ненавижу все стрелки часов...

Я ненавижу все стрелки часов и все месяцы года.
Я не люблю ни осень, ни снег, ни цветы.
И дождливая только по сердцу теперь мне погода.
Когда всё размывает: дороги, мосты и... следы.

Я встречать буду новый год в прошлогоднем платье.
Но сама прошлогодней не стану уже никогда.
Отмотать бы назад, стереть бы все, поменять бы...
Невозможно. Но точно: кровь — это не вода.

Сорок восемь недель назад...

Сорок восемь недель назад
Мне прислали повестку. В ад.
Я явилась законопослушно.
У меня отсудили там душу.

Сорок восемь недель я живу
Постоянно и полностью наяву.
Потому что оставила свои сны
В восемнадцатом дне ушедшей весны.

Сорок восемь самых долгих недель
Я как дверь, которую сняли с петель.
Ни открыта, ни заперта. Я абсурд:
Меня здесь явно быть не должно, но я тут.

Сорок восемь самых ужасных суббот
Я закапывалась в оврагах хлопот.
Чтоб забыть про все эти воскресения,
Зная, что ни в одном — нет спасения.

Закрывая глаза, сорок восемь раз
Я, за руль не держась, нажимала на газ.
Только нет — забирать меня не хотят.
Отобрали душу, послали назад.

И стою, заблудившись, ни тут, и ни там,
Кто-то в мантии чёрной — за мной, по пятам.
Я всё жду, может всё же обратно попросят?
Сколько раз ещё надо по сорок восемь?

Ровно год — ровно пятьдесят четыре недели...

*Ровно год — ровно пятьдесят четыре недели.
«Время лечит» — говорить мне многие смели.
А мне всё больней и больней с каждым днём,
Что у меня есть дом, а тебя уже не будет в нём.*

Я тебя навеки растворила в своей душе,
Как в крутом кипятке наш с тобою любимый кофе.
Просыпаясь на этом проклятом седьмом этаже,
Я в прихожей своей отчетливо вижу твой профиль.
Ты в каждом маленьком зёрнышке алых гранатов.
И в запахе табака, и в изгибе моих бровей.
В каждой стрелке тобой подаренных циферблатов.
Ты в жестах и мимике непослушных моих сыновей.
Ты в улыбке, которая не подчиняется мне —
Управляет ею, наверно, небесная сила.
А иначе, как бы я стала настолько сильней?
Как бы я эту жизнь без тебя выносила?
Ты в молчании моём, в одиночестве среди людей.
В моей громкой музыке и спортивных костюмах.
Ты остался наполнением в моей пустоте,
И лучом в грозových моих мыслях угрюмых.
Ты в переменчивой зеленоватой радужке моих глаз.
В рукопожатии, не по-девичьи крепком.
Ты единственная причина того,
что у меня есть «сейчас».
И что мирно в моём сейчас (по нынешним меркам).

Я знаю, ты точно бы не хотел...

Я знаю, ты точно бы не хотел,
Чтоб я свою жизнь посвятила мести.
Мой мир теперь пуст и осиротел,
И в нем прежним остался лишь кодекс чести.

Все слова, что с тяжёлой душой говорил
По ночам в телефонную трубку.
Каждый раз, перевешиваясь через перила,
Я чувствую на плечах твои руки...

Я запуталась. Я опять на краю.
Из-за скорости мне не видно разметки.
Я стою на ногах, папа, крепко стою,
Но пока под люстрой и на табуретке.

Я помню, ты так мудро умел молчать...

Я помню, ты так мудро умел молчать,
Не выдавая, что происходит внутри.
Улыбаться и сутки подряд не спать,
Призывая к порядку всполошенный внутренний мир.
Ты всегда был центром кругов и душой компаний,
Смеялся громко и без разбора дарил добро.
Но там, где ничьи не видят глаза, внутри себя, тайно,
Ты был до невыносимой степени одинок.
Ты видел в людях лучшее, верил в их свет
И, замечая обратное, уходил с улыбкой,
Но не забирал обиды с собой в багаж долгих лет,
А оставлял людей наедине со своими ошибками.
Я видела, знала, я помню, ты не терял надежды,
Что бродячей твоей душе найдется приют.
И, врываясь в сердца, проходя мимо них или между,
Позволял себе мысль о доме, где тебя ждут.
А я теперь не имею права разрешать себе слабость,
Поверить в родную душу, что сможет понять и помочь.
Как всё-таки много у нас с тобой общего, папа.
Я одиночка по жизни, пап. Я твоя дочь.

Папа, родной, я так скучаю...

Папа, родной, я так скучаю...
Узнать бы, как ты и где ты
И как там у вас с погодой.
Хотя где ты, там солнце лучами
Всегда обнимает цветы.
А здесь холодно с прошлого високосного года.

Папа, внуки твои непоседы!
Я младшего не ругаю толком,
И старший жалуется, мол, балую,
Но у него настолько твои черты,
Что иногда я даже ненароком
Допускаю мысль, ну знаешь, такую, малую,

Что может и правда вся эта история
С сансарой и переселением душ?
Как бы то ни было, знаю, ты с нами,
И даже если все в мире теории
На практике — абсолютная чушь,
Давай называть это чудесами.

Вокруг солнца очередной круг планеты...
Пап, я теперь четырежды взрослая.
Каждый год без тебя как отдельная жизнь.
Я научилась в себе находить ответы,
И не задавать в небеса так часто вопросы,
Но смотреть вперёд и вверх, не назад и вниз.

Пап, я, кажется, разбираюсь в людях.
Всё стало настолько простым и понятным.
Так вот почему ты был одинок?
Не зарекаюсь, пусть будет как будет,
Но это больно, тяжело и досадно,
Когда новый человек — всего лишь новый урок.

Пап, не поверишь, я сделала татуировку,
Знаю, ты не большой любитель,
но эта тебе бы точно понравилась.
Пап, я отбросила всю маскировку,
Я разрешила горю покинуть мою обитель.

Я справилась, папа, справилась.

Я бы не глядя сменила все блага мира...

Я бы не глядя сменила все блага мира
На то, чтоб был адрес (город, улица и квартира),
По которому можно отправить этот конверт.
Я прошла бы от края до края пешком белый свет,
Переплыла бы океан, на ракету нашла бы билет.
Только нет его. Нигде в этом мире нет.
Не дойдёт письмо единственному адресату.
Кому жизнью обязана, перед кем пожизненно виновата.
В раю нет почтовых индексов, к сожалению.
В конверте: «Люблю! С небесным тебя днём рождения!»

Там, где страхи шуршат...

Там, где страхи шуршат,
словно листья у старых дорог,
Я иду, спотыкаясь часто
об собственный след.
Но ведёт меня тихо сквозь
сумерки дней и тревог
Ставший мне путеводной звездой
твой немеркнущий свет.

Я хочу обязательно верить,
что время меня к тебе приведёт.
И ты с доброй улыбкой обнимешь
и к сердцу прижмёшь.
Но пока оно не настало,
веди меня верным путем до его ворот,
Тебе сверху ведь лучше виднее, что верно, Ёж?

Моим друзьям под полтинник...

Моим друзьям под полтинник, я не считаю себя ребёнком.
Но смеюсь, запрокинув голову, бескомпромиссно громко.
Пою а капелла, просто потому что мне нравится петь
(И пусть думают те, кому приходится это терпеть).
Считаю преступлением против гения — долго спать.
Конечно, гением себя не считаю. Учусь рисовать.
Стараюсь писать красиво: и слово, и слог, и почерк.
Пытаюсь быть сыном, о котором ты не мечтал,
глядя на своих дочек.
Строю планы построить дом и разбить гранатовый сад.
Честно пытаюсь с огнём не играть, хотя прыгаю в водопады.
Кстати, о честности и о том, чего не отнимешь.
С моим именем рядом всегда будет твоё Имя,
Привычки, черты лица, уроки жизни и память.
Жёсткость и мягкость. Уступчивость и «упрямость».
Не боюсь остроты углов, но в углу не прячусь.
С чужими — не боюсь своих слов.
Со своими — молчу и плачу.
Не умею тосты говорить, пью до дна и залпом.
Я хочу на тебя походить в каждой мелочи, папа.
Но в глобальных масштабах человеческой личности
Дай мне бог дорасти до половины твоей космичности.

Солнце всходит и неизбежно заходит...

Солнце всходит и неизбежно заходит,
Интервал, оставляя, чтоб созидать.
А что если время уже на исходе?
Мы ведь не можем предугадать...
Завершая мандаринками-дольками
Интервал, не могу эту мысль отогнать.
Я осталась после тебя опавшими с ели иголками.
А что мне доведётся после себя оставлять?

Вокруг жужжат как пчелиный рой...

Вокруг жужжат как пчелиный рой,
Пытаясь успеть все дела переделать.
А у меня опять выходной —
В разгар рабочей недели.

Нет желаний — а что мне загадывать?
Ёлки нет и гостей я не жду.
И единственное, что может порадовать,
Что этот день — последний в проклятом году.

И по этому поводу есть два презента:
Я ведь всё ж у себя одна.
Я мозги отправляю в отпуск до лета.
А сердце бессрочно посылаю на...

Санта, здравствуй...

Санта, здравствуй, я написала письмо,
Но не уверена, что по адресу.
Нет, ты не подумай, мне узнать бы кому —
И я сама его лично в руках донесу.
Я очень надеюсь, что ты не обидишься.
Изо всех сил стараюсь не терять веры в чудо.
Но насчёт подарков... знаешь ли... видишь ли...
Я боюсь, что мои не по плечу тебе будут.
Их эльфы твои смастерить не сумеют.
Их нельзя уместить в упряжку с оленями.
Но я всё же попробую, я посмею.
Санта, мне нужна машина времени.
Ну, что ты, я не хочу знать о будущем,
Я и в настоящем не всё понимаю.
Но в сердце мечущемся и воющемся
Была необъятная вера без края
Что всё будет так, как когда-то мечталось.
Что если верить, то точно сбудется.
Что надо переждать всего малость,
И чудо случится, а плохое забудется.
Санта, я даже не представляла,
Как сильно потом тянуть будет в прошлое,
Где безвозвратно я потеряла,
Всё любимое, светлое и хорошее.
Говорят, что надо начать сегодня,
И делать всё для лучшего «завтра».
Но моя работа в этом русле бесплодна:
Мне очень надо вернуться обратно.
Обратно в детство, в две тысячи пятый,
Я сделаю всё совсем по-другому,
Обещаю, я сделаю всё как надо
И не буду слепо в пропасть ведома.
Но если менять ход событий не в силах,
Хотя бы верни в февраль двадцатого,
Чтобы я прощения попросила,
За то, в чём потом буду виновата.
Чтобы обняла и не отпускала,
Сказала сто тысяч раз, что люблю,
И повторяла бы, и повторяла:
Горжусь, восхищаюсь, благодарю...
И когда потом вернусь в настоящее,
Подари мне ещё немножечко времени,
Объяснить любимым всё предстоящее,
И помочь с вопросами и дилеммами.
Санта, столько во мне не прожитой
Жизни — считай, что их целых две.

Столько чувств и столько ещё не свитой
Нити мыслей в бредовой моей голове,
Что меня когда-то раздавит их бременем
И их тяжесть не удержит земля.
Так что если нет у тебя машины времени,
Дай терпения — от марта до февраля.

Хочу туда, где все ещё живы...

Хочу туда, где все ещё живы...

Туда, где обещания не лживы.

Туда, где споткнувшегося не толкают.

Туда, где верят ещё и мечтают.

#

Туда, где друзей не смыло дождями.

Туда, где земля тверда под ногами.

Туда, где можно не прятаться в панцирь.

Где души не запираются в карцер.

#

Где можно кричать, когда очень больно.

Где узнику — плен, а вольному — воля.

Где можно обратно сдать свою долю,

Сказав: «Спасибо, с меня довольно».

#

Утомлённому жаждой...

Утомлённому жаждой оазис в бескрайней пустыне мерещится.
Ожидающий чуда — ищет его и находит в обыденных мелочах.
Но не лечится миражами ни жажда, ни боль — не лечится!
Все мы путники — с разной историей за плечами и разным крестом на плечах.
Натёрты до крови железом не по размеру подбитых оков
Ноги, плетущиеся по тропинке из ада, а может, и в ад.
Христос завещал нам быть милосердными и прощать врагов,
Но как простить тех, кто не понимает, как сильно и в чём виноват...

Всё должно было быть по-другому, иначе...

Всё должно было быть по-другому, иначе,
Но я думать об этом себе запрещаю.
Иногда, если честно, я тайно плачу
От мысли, что даже не попрощаюсь.
Мне как-то приснились твои поминки:
Тишина и очень мало людей,
Из которых никто не роняет слезинки,
Нет священника, матери и сыновей.
Ты с глазами цвета самой тёмной печали,
Неприкрытыми ничьею ладонью,
Почему-то в мундире и с кольцом обручальным,
Я стою где-то там, а что дальше — не помню.
Я не вернусь никогда обратно
И буду скрывать местонахождение,
Ведь если жизнь снова сведёт нас когда-то,
Я выстрелю первая — на поражение.
Пусть никто никогда так и не узнает,
А узнавши, все равно не поймёт,
Как можно вот так ненавидеть отчаянно,
И в то же время — наоборот.

Твоя кровь течёт в венах моих детей...

Твоя кровь течёт в венах моих детей —
Пусть решает суд божий и суд людей
Какого ты будешь достоин конца.
Не ищи меня, не ходи по ножу:
Найдёшь — я тебя уже не пощажу.
В моих венах — кровь моего отца.

Это не жалость...

Это не жалость, не слабость,
какое-то новое чувство пока без названия,
Когда тошнит
от запоздалого и болезненного осознания,
Что книгу святую писали
в эпоху совсем других тварей —
В наши дни твоей человечностью
как кипятком тебя шпарят.
И до утра по кругу,
как акула в аквариуме, без остановок
Ищешь ответы на свои вопросы
среди их постановок.
Дожигаешь до пепла табак
впережку с верой и нервами.
Из-за таких, как они, такие, как мы,
становятся стервами.

Между чёрным и белым...

Скажи, между чёрным и белым
Есть ли действительно разница?
Закрываю глаза в понедельник,
Просыпаюсь, когда уже пятница.
Пережив конец своей повести,
Я пишу и чужие читаю книги.
Свою закрыла. Отдала все почести.
Осталась бездушной и дикой.

Без тебя пожары, землетрясения,
Рассветы и повседневность.
Сны, прогулки, мечты, опасения,
Приступы смеха и гнева.
Между солнцем, дождём и снегом
Скажи мне, какая разница?
Я теперь в белоснежно белом,
Безнадёжно лишённая памяти.

Разобрав до основания мира, до каждой мелочи
Всё, от чего отречься нельзя, любя,
Я погладила по головке сильную девочку:
Я просто пережила наконец «без тебя».

Сколько ещё будет этих бессонных ночей...

Сколько ещё будет этих бессонных ночей
и планов —
Побед, поражений в бумажных и психологических
войнах?
Видеть всех вокруг виноватыми через призму
самообмана —
Единственное, что тебе позволяет дышать
спокойно.
Где простить невозможно, там нужно навек
прощаться.
Если ждёшь от меня ответа или сигнала,
даю:
Твоим белым флагом будет моё подвенечное
платье,
В котором другой поведёт меня
к алтарю.

Ты умеешь, так читай меня по глазам...

Ты умеешь, так читай меня по глазам:
Никогда ничего не вернётся назад.
Будут дни сменять ночи, бесконечно мой путая след
И тебе будет больно очень, а мне — больше нет.

Научись выносить вес отсутствия и тишины,
Если смеешь — проси простить небеса.
Каждый выбор и каждый шаг сделал только ты сам.
Ты в ответе за них. Я живу без твоей вины.

Истерично прячась за спинами оправданий,
Никогда не отмолишь прощения своей душе.
Прочитай по глазам холодное напоминание,
Что даже каяться слишком поздно уже.

Мотая кадры как киноплёнку...

Мотая кадры как киноплёнку,
я неосторожно ходила по граблям,
что ты оставил в моей голове.
Своему внутреннему ребенку
я пообещала, что все исправлю,
в следующей главе,
И своё сердце открою однажды,
в самом чистом и искреннем виде
любовь в него загребя.
А пока отдельно за каждого,
кто попытался меня обидеть
я ненавижу только тебя.

Не пытайся меня разбудить...

Не пытайся меня разбудить: в беспросветной апатии
Я забыла давно, каково это, когда все дома.
Я могла бы быть наглядной живой хрестоматией
По стокгольмскому и другим бредовым синдромам.
Но не жалея себя и не причитая на долю,
Я разрывы сознания клеила: видишь, смогла.
Успокойся. Ты мне уже не сделаешь больно.
Я к ней стала устойчива: видимо, антитела.

Я вчера опять уснула сегодня...

Я вчера опять уснула сегодня,
Заострились скулы, затуманился взгляд.
Что-то дикое в нём — неизвестной природы —
А я свой хочу — ясный — обратно... назад.

Но назад пути нет. Мысли душат друг друга
Без конца и по кругу, опять и опять...
По закону жанра ли? или джунглей?
Диким проще, наверное, выживать.

Хочу уснуть сегодня непривычно рано...

Хочу уснуть сегодня непривычно рано:
Просто знаешь, взять — и слиться с диваном.
И окопами из одеял и подушек,
Защитить, обогреть дрожащую душу.

Полечить её шоколадом, глинтвейном,
Чтоб хоть что-то тёплое чувствовать в венах.
Чтоб забыть все вопросы, ответы, советы.
Чтоб не просто проснуться — воскреснуть с рассветом.

Чтобы не писать по ночам эти строчки —
Взять и напроць забыть навсегда свой же почерк.
Чтобы стёрлось клеймо печали с лица...
Отпусти ненадолго в отпуск, бессонница!

Сон боялся вывести тайны каре-зеленых глаз...

Сон боялся вывести тайны каре-зеленых глаз,
И всё реже спасал их, как спасается солнце закатом.
И она до рассвета писала строки. Те, что не напоказ.
Те, что никогда не отправит уже адресату.

А потом обгоняли стрелки друг друга и в нужный час,
Зажигала она в них огни — поминальные свечи.
Пламя их в глубине её каре-зеленых глаз
Заставляло всех думать, что время и вправду лечит.

И она, соревнуясь с солнцем по верности свету,
Продолжала каре-зеленым блеском всех ослеплять.
И лишь изредка в строках своих признавалась рассвету,
Как хотела бы их никогда больше не открывать.

Вколите мне что-нибудь, доктор...

Вколите мне что-нибудь, доктор, мне хочется спать:
Не думать, не судить и не вспоминать.
Ощутить молодую свежесть мозга, но жить по-взрослому.
И не важно, что выгляжу я не старше подростка.
Не к лицу мне, но сердце будто сковали морщины.
То ли поздно, то ли я как всегда поспешила
Произносить без иронии слово «любить».
Вколите мне что-нибудь, чтоб захотелось жить.

Потирая ладони и засучив рукава рубашки...

Потирая ладони и засучив рукава рубашки,
Объезжая рутину по встречной с окнами нараспашку,
Превышая лимиты всех допустимых промилле,
Я меняю далёкие годы на долгие мили.

Говорят, не узнать и я стала совсем другой:
Беззастенчиво сильной и непривычно простой.
Ты не слушай, доктор, ты выше сердца перетяни жгут.
Говорят, что пройдёт само. Не верь: они нагло лгут.

Знаешь, как больно мне?

Знаешь, как больно мне? Нет, не до сих пор, а теперь.
Я так ревниво свою боль лелею, ни с кем не дели,
Понимая, что осознание необратимости моих потерь
До удушья мне давит горло, будто петля.

Я нетерпима к жалости — не пытайся меня лечить.
Ты не проходишь мой путь и не чувствуешь сердцем
в моей груди.
Иди со мной рядом, слушай меня и молчи,
Пока на каком-то из поворотов решишь, что нам не по пути.

Не трогай шрамы мои, память мою и мой крест —
Я единственная, кто должен его нести.
Не думай и не говори, что таких, как я, больше нет:
Даже если занести меня в Красную Книгу — уже не спасти.

Я одинокий раненый загнанный дикий зверь,
Отбиваясь из последних, но до последних сил,
Как мантру себе повторяю: «Бояться поздно. Просто не верь.
И никого никогда ни о чём не проси».

Мой тоннель бесконечен, и света в конце него нет...

Мой тоннель бесконечен, и света в конце него нет.
Или он далеко — так, что я уже вряд ли увижу.
Бесконечности моих вопросов не нужен ответ —
Его громко мне прокричали. Но я не слышу.
Я в пути. Но куда? и зачем? и когда дойду?
Я пропала с радаров и сбилась со всех маршрутов.
И так страшно со стороны наблюдать этот мрак и беду,
Что я сама не впущу даже тех, кто просится внутрь.
Мне так хочется остановиться на повороте и выйти
И набрать кислорода в забитые дымом легкие.
Прокричать прохожим: куда вы? не проходите!
Человеку плохо. Рассыпается на осколки.
Но по закону подлости не работают тормоза.
Что же за вероятность оказаться настолько везучей?!
Тем, кто всё же со мной: не смотрите, прошу вас, назад,
Пристегните лучше ремни — так, на всякий случай.

Молчать? Научите! Кажется, я разучилась...

Молчать? Научите! Кажется, я разучилась.
Наверно, я слишком долго терпела молча.
Бездонный стакан заполнен, стекло разбилось:
Молчать моё сердце больше не может, не хочет!

И даже вполголоса, шёпотом — неумогу.
Мне дикую сущность свою не сдержать, не унять.
Я, чёрной повязкой закрыв глаза, иду в темноту.
Мне больно! Мне страшно! Можно мне покричать?

Я ж просто на ощупь: без указателей и табличек
Сама себя ищу в этом лабиринте.
И если рассеять тьму не найдётся коробочки спичек,
Я тут покричу чуть-чуть... Вы уши заткните.

Простите, что я вот так: нагло, бесцеремонно
Сбросила непробиваемо крепкий панцирь.
Да вы не волнуйтесь. Новый появится скоро.
И я замолчу. И буду опять улыбаться.

Воздух мы замечаем только тогда...

Воздух мы замечаем только тогда,
Когда задыхаемся без доступа к кислороду.
Что такое правда? Правда — это вода.
У кого-то прозрачная, у кого-то болотная.

Задаёмся вопросами, жизни в лицо швыряя
Нашу правду. И верим, что кто-то в ответе.
Но даже если с концами рассудок и потеряем,
То никто даже не догадается и не заметит.

Никогда не имела кумиров...

Никогда не имела кумиров,
Совершенства ни в ком не искала.
Облетела почти полмира,
Побывала везде, где мечтала.

Лучшим другом мне так и не стали,
Ни алмазы, ни бриллианты,
И глаза от них как-то устали,
Как и от дорогих циферблатов.

Я пила только лучшие вина,
Начала даже в них разбираться.
И с витрин дорогих магазинов
Выбирала наряды и платья.

Я всем этим сыта до предела:
Я весь люкс-каталог пролистала
И имела всегда, что хотела,
Даже больше того, что желала.

Жизнь свела с моим много путей:
Знала многих, даже дружила.
Понимать поступки людей
До сих пор так и не научилась.

Поняла лишь одно, простое:
Измерению всё поддается.
Иногда люди дорого стоят,
Но со скидкой в аренду сдаются.

Люди — выставка ярких картинок.
И чем ярче, тем выше ценник.
Но со временем блекнет снимок,
И теряет в цене постепенно.

Я всегда очень много читала.
Свои мысли сливала в книги.
Но уж лучше бы я молчала.

Строки — это немые крики...

Жизнь до чёртиков дорогой репетитор...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.